Сергей Прокофьев

Какая длинная зима в этом году! Когда же наконец настоящая весна, апрель - месяц, когда родилось так много хороших писателей: Виталий Коржиков, Эмма Мошковская, Юрий Кушак и, главное, Андерсен.

Однако у Андерсена юбилей уже был; про замечательных детских поэтов и писателей нашлись только какие-то очень грустные факты биографий - давайте их просто поздравим с днём рождения. Кто ещё? Бодлер, Гумилёв, Вийон... Спасибо, апрель, за урожай! Только не хочется что-то писать о «Цветах зла», «Заблудившемся трамвае» и о том, что «я знаю всё, но только не себя».

Но есть одно апрельское имя, которое излучает свет такого замечательного детства, что если я напишу об этом человеке, весна, наконец-то начнётся.

Это Сергей Прокофьев, ярчайшая фигура в культуре XX века, при жизни ставший классиком русской музыки. 23 апреля 2011 года мы отмечаем 120 лет со дня его рождения.

Говорят, если человек талантлив, он талантлив во всём. Воистину это о Прокофьеве. Композитор, прекрасный шахматист, писатель, оставивший нам книгу «Детство», достойную быть в ряду знаменитых повестей о детстве русских писателей.

Своим первым воспоминанием он считает момент, когда, кувыркаясь в постели отца, он трёхлетний свалился и ударившись о сундук, набил себе огромную шишку. Она исчезла только к тридцати годам. Много лет спустя, в Париже, художник Ларионов трогал её пальцами и говорил:

-А может в ней-то и весь талант!

Сам Прокофьев считал, что это шикарно – проснуться к жизни от удара в лоб - сразу, ярко, талантливо!

Прокофьев обладал незаурядным чувством юмора. Неслучайно одной из знаменательных дат своей биографии он считает день, когда он, Сергушечка, впервые официально сострил. Дама в поезде рассказывала соседке:

-Вот я и говорю: она не может приехать, у ней же ребёнок.

-Девятилетний Серёжа поворачивается к матери и важно говорит:

-Странно, у ней жеребёнок, а она не может приехать?!

Если считать шишки, полученные в детстве, вместилищем талантов, то немудрено, что Сергей Прокофьев был так многогранен. Шишек он получал предостаточно. Одним из его детских прозвищ было «Заликашка», так малыш произносил «озорникашка» - озорник. Его безумно любили взрослые, ведь он был единственным выжившим ребёнком в семье. Он должен был вырасти изнеженным, избалованным, слабым. Что уберегло его от этой участи? Прежде всего

то, что труд был нормой для обоих родителей? Отец, учёный-агроном, управлял большим имением «Сонцовка», расположенным на южной окраине Российской империи. Управлял великолепно, имение приносило доход. Мать, по словам Прокофьева, недурно играла на рояле. Едва ли она обладала музыкальными талантами, но у неё было три достоинства: упорство, любовь (к музыке) и вкус.

Их брак был очень счастливым. Едва закончив Академию, Сергей Прокофьев старший собирался жениться по любви на бесприданнице, выпускнице гимназии Машеньке Житковой. Ему запретили. Но любовь оказалась сильнее и через несколько лет они всё же обвенчались. Как не без гордости пишет Прокофьев-младший, оба родителя были самыми интеллектуальными в своих семьях По этому взаимному влечению и произошёл отбор. Как оказалось, безошибочный.

Мария Григорьевна Прокофьева любила музыку, причём исключительно серьёзную, отец музыку уважал. Когда она ждала появления ребёнка на свет, она играла по шести часов в день – нужно, чтобы будущий человечишка формировался под музыку. Музыка стала для мальчика естественной «средой обитания». Рояль – местом игр. У матери была педагогическая жилка. Играя, она незаметно направляла сына и учила его пользоваться инструментом. Он слушал музыку, подбирал самостоятельно пьески, а за столом, на бумаге рисовал ноты, которые ничего не значили, так другие дети рисуют человечков и поезда. Однажды маленький Сергушечка принёс мамочке лист бумаги, разрисованный нотами и заявил:

-Вот я сочинил рапсодию Листа.

Пришлось объяснять малышу и про Листа, и про композиторов, и про то, что нотки пишут на пяти, а не на девяти линейках, словом, мать начала обучать Сергушечку нотной грамоте.

Довольно скоро появились на свет «Индейский галоп» и ещё несколько пьес. Так к шести годам у Сергушечки набралось достаточно сочинений, чтобы обожавшая его тётка отвезла их в столицу, где отдала профессиональному переписчику и в доме Прокофьевых появился нотный альбом с надписью золотом на обложке «Сочинения Серёженьки Прокофьева».

Музыка-музыкой, но он рос так, как растут все нормальные счастливые дети: играл, шалил, бил посуду. Признаваться не хотелось, и Серёжа выдумал следующую систему:

-Мамочка, - сказал он, - рассказать тебе сказочку?

-Расскажи.

-Жил-был графин…

Пауза. Мать ждёт, затем спрашивает:

-Ну и что же?

-И я его разбил.

Все рассмеялись. Репрессии не последовало. Наказывали его вообще редко, хотя мать, когда Серёжа отказывался заниматься французским, кричала:

-Матрёна, принеси плётку!

(Экзекуцию всё же один раз произвели – уж очень Сергушечка расшалился).

Как пишет Прокофьев, иногда бывали проблески порядочности. Однажды в доме меняли полы. Вышло неудачно. Краска вздувалась и Серёжа очень любил отковыривать её. (Это все любят!), что ему делать было строжайше запрещено. Однажды ночью он проснулся и увидел отца со свечой. Серёжу грызла совесть.

Папа, - сказал он тоном, которым признаются в убийстве, - вчера вечером я наколупал под роялем...

Отец молчал.

Немного...

Отец молчал.

-Это ничего?

Отец сказал:

-Не надо в другой раз. – И прибавил: - Хочешь, я принесу тебе кусочек шоколаду?

Это был один из самых вкусных шоколадов, которые, по словам Прокофьева, он съел в своём детстве.

Между тем мальчик рос, его возили в Москву, слушать оперу. Впечатление было настолько сильным, что Серёжа немедленно взялся за сочинение своей оперы. Она получила название «Великан» и была поставлена силами местной ребятни во главе с автором. Успех был ошеломляющим.

Партитуру «Великана» повезли в Москву, показали Танееву, «самому что ни на есть крупному музыкальному профессору в Москве». И Танеев назначил десятилетнему автору, маленькому провинциальному мальчику, встречу! Прокофьев пишет, что встречу с Танеевым помнит туманно, лежавшая на столе плитка шоколада, которым Танеев Серёжу сразу угостил, произвела приятное впечатление.

Танеева рассмешило, что на обложке «Великана» золотыми буквами было написано «Сочинение Серёженьки Прокофьева».

Почему же Серёженьки? Надо Сергея, в крайнем случае, Серёжи.

Серёжа сыграл увертюру. Вердикт «самого главного профессора» был таким:

Несмотря на десятилетний возраст мальчику необходимо начать правильное преподавание гармонии...

Начали. И через два года тринадцатилетний Сергей Прокофьев стал студентом Петербургской консерватории.

Удивительное дело, талант к музыке у мальчика проявился очень рано. Однако Прокофьев ни разу не обмолвился о том, что его

воспитывали как юного гения, который должен был прославить род, стать лучшим из лучших, добиться славы. Взрослые просто очень серьёзно относились к любым занятиям мальчика: импровизировал ли он за роялем, играл ли в шахматы, строил ли домик в саду, устраивал ли театральные представления. Сергушечка, его будущее, его счастье - вот в чём была цель родителей Сергея Прокофьева, и цели этой они достигли, оставшись в памяти Сергея Прокофьева хранителями громадной доброй солнечной страны «Детство».

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь